

Чан Ли не умела держать новости при себе и первым же делом сообщила радостную весть Группе «Высокая башня».

Чан Ли: «На сегодняшний день работа по воссозданию „Люйиньской“ полностью завершена. Впереди нас ждут клинические испытания первой фазы. Уверена, результат будет блестящим!»

Благодаря поддержке Чжай Нин, проект GT201 мог миновать длительную бюрократическую подготовку и максимально быстро перейти к тестированию на добровольцах. С нынешней известностью Ли Жуна набор волонтеров не представлял никакой сложности.

В Группе «Высокая башня» тут же поднялась волна ликования:

«Упорство города берет! Всего за два месяца вернуть „Люйиньской“ к жизни — это великое дело на благо народа!»

«Всё это время мы переживали за вас, а теперь наконец можем вздохнуть спокойно. Верим в успех!»

«Наверняка это духи профессоров Ли и Гу хранят вас с небес. Пусть эта болезнь поскорее канет в прошлое, и семьи перестанут рушиться из-за неё».

«Ли Жун действительно заставил меня пересмотреть свои взгляды. Признаться, поначалу я думал, что он просто бросается громкими словами, но его глубочайшие познания в науке поражают. Сразу видно школу Ли и Гу».

«Я постоянно вижу в Ли Жуне черты его родителей. Тот же выдающийся ум, та же забота о судьбах мира».

«Это и есть истинная преемственность. Пережить сокрушительную катастрофу, но сберечь в руках искру надежды».

«Да, видимо, само небо не смогло безучастно смотреть на безвинную гибель двух профессоров, а потому позволило Ли Жуну выжить, сохранив в памяти все секреты „Люйиньской“».

«Он и талантлив, и невероятно крепок духом. Настоящий член Группы „Высокая башня“».

Слова «безвинная гибель» прозвучали в чате весьма двусмысленно. Изначально все придерживались версии, что супруги покончили с собой из-за мук совести, но после речи Ли Жуна Группа осознала: они боролись за жизнь до последнего мгновения.

Тем не менее, открыто эту тему никто не обсуждал — все делали вид, будто не заметили расхождений. Признать правоту Ли Жуна означало перестать верить Чжан Чжаохэ, а это грозило расколом и потрясением основ, на которых держалось спокойствие сообщества.

Но сегодня, когда эти слова промелькнули на экране, никто не поспешил с возражениями.

Молчаливое большинство вовсе не глупо — зачастую люди просто предпочитают не раздувать конфликт. Как можно не верить словам родного сына, когда перед глазами есть пример его таланта, рассудительности и честности?

Как и раньше, когда все молчаливо подыгрывали Чжан Чжаохэ, теперь Группа так же единодушно решила поверить Ли Жуну.

Вскоре крамольная фраза потонула в потоке дифирамбов. Возрождение «Люйиньской» и восстановление доброго имени покойных профессоров — вот что было истинным желанием Группы и её непоколебимым убеждением. Никто не смел ставить это под сомнение.

Цзян Вэйдэ поделился в чате файлом: «Это статья, которую Ли Жун отправил в журнал „С нуля“. К моему великому смущению, он указал меня корреспондирующим автором. Ли Жун благодарит всех за поддержку и доверие, и как новичок в науке надеется на вашу конструктивную критику».

Разумеется, Цзян Вэйдэ скинул файл вовсе не для критики. Он просто хвастался. Его слова звучали вежливо, но подтекст был ясен:

«Посмотрите на работу, которую Ли Жун выполнил самостоятельно! Есть ли в мире еще хоть один двадцатилетний юноша, способный написать нечто подобное? Нет!»

Поскольку чат состоял из ученых, они, пусть и работали в разных областях, сразу могли отличить качественный материал от посредственного. Разговор мгновенно перешел в плоскость академической дискуссии, которая разгорелась не на шутку.

Чжан Чжаохэ прислал улыбающийся смайлик, после чего замолчал. И не потому, что ему нечего было сказать, — он просто не мог вклиниться в этот спор.

В сравнении с остальными членами Группы, наука была его слабым местом. Он не закончил магистратуру, не занимался глубокими исследованиями, а все последние годы тратил силы на интриги, а не на формулы. Он понимал: стоит ему открыть рот в профессиональном споре, и его некомпетентность тут же вылезет наружу.

В душе каждого сотрудника Исследовательского института «Хунсо» жила гордость. Они преклонялись только перед силой и интеллектом. Если они почуют, что Чжан Чжаохэ не достоин их преданности, они отвернутся от него без малейшего сожаления.

Даже без прямых столкновений Чжан Чжаохэ осознавал: с появлением Ли Жуна и превращением «Люйиньсюй» в общенациональную тему, его личное влияние в Группе начало стремительно таять.

Как законный наследник Ли Цинли и Гу Нун, Ли Жун имел над ним колоссальное преимущество. К тому же юноша оказался вовсе не наивным ребенком, а пугающе одаренным, основательным и безупречным профессионалом.

При этом Ли Жун обладал поразительной наступательной мощью. Чудовищная травля в сети не сломила его, он по-прежнему наслаждался вниманием, держался открыто и естественно. Его речи были живыми и в то же время глубоко научными, а в сочетании с незаурядной внешностью он неизменно приковывал к себе взгляды толпы.

А члены Группы «Высокая башня» были частью этой самой толпы. Ученые не были небожителями, лишеными земных чувств; они оставались обычными людьми со своими симпатиями и эмоциями.

Ли Жун предсказуемо стал «звездой» Группы. Старшие коллеги не скупились на похвалы, доходя до того, что открыто заявляли: его нынешние достижения превзошли успехи родителей. Конечно, это было преувеличением. GT201 базировался на «Люйиньсюй», а идея новой технологии активации Т-клеток была вдохновлена гипотезами Ли Цинли. Родители были первопроходцами, прорубавшими путь в тумане, а юноша лишь стоял на их плечах.

Однако сама тональность этих отзывов говорила о многом: люди были готовы закрыть глаза на факты ради выражения симпатии. Эмоционально они полностью признали авторитет Ли Жуна и его право быть представителем своих родителей.

Чжан Чжаохэ медленно, но верно уходил в тень.

Он всегда полагал, что, введя Ли Жуна в Группу в нужный момент, он сможет держать сына Ли Цинли при себе как послушную марионетку. Но каждый шаг юноши превосходил его самые смелые ожидания, заставляя события сходить с намеченных рельсов.

Чжан Чжаохэ не считал себя плохим стратегом — просто таланты Ли Жуна оказались за гранью разумного. Он до сих пор не мог взять в толк, как юноша умудрился воссоздать «Люйиньсюй» и даже усовершенствовать оригинальную схему. Он хорошо знал методы воспитания в семье Ли: они ставили во главу угла свободу и уважение к интересам ребенка. Родители никогда не навязывали сыну свою волю, поэтому за годы учебы Ли Жун практически не соприкасался с биохимией. Ли Цинли сам говорил, что у сына есть дар, но нет интереса к его профессии, а потому пусть он занимается тем, к чему лежит душа.

Как же вышло, что после смерти родителей этот студент внезапно, без всяких учителей, овладел знаниями такого уровня, до которого не дотянуться самому Чжан Чжаохэ?

Одно время он пытался найти тайного помощника, вроде Сюй Вэя, который стоял бы за спиной Ли Жуну, но все факты говорили об обратном: Сюй Вэй не солгал ни в едином слове. Ли Жун добился всего сам, хотя никто не понимал — как.

Чжан Чжаохэ посмотрел на зажатую в пальцах перьевую ручку. Через пару секунд его рука разжалась, ручка упала на пол, и он, не колеблясь, с силой наступил на неё каблуком.

Старый корпус хрустнул и лопнул под весом. Треснувшая оболочка обнажила пожелтевший от времени чернильный картридж. Осколки разлетелись в стороны, брызнувшие чернила испачкали подошву туфель Чжан Чжаохэ. На полу остался нечеткий чернильный след, который смешался с обломками в единое уродливое пятно.

Вчера Чжу Янь пережил очередной кризис и теперь едва дышал. Он больше не представлял угрозы, а значит, и хранить эту ручку больше не было смысла.

Чжу Янь ушел, но явился Ли Жун.

Впрочем, неважно. Вся свою жизнь Чжан Чжаохэ только и делал, что боролся с людьми. Он никогда не терял азарта и готов был сражаться до самого конца.

На его лице застыла хищная, искаженная гримаса.

Как только Ли Жун собрался официально объявить о завершении работы над препаратом, в сети внезапно зазвучали голоса «независимых экспертов», полные скепсиса и сомнений.

[@Куайюэ Юйчжоу: Вчера в городе Юйчжоу состоялось всекитайское совещание предпринимателей. Известный глава фармацевтического гиганта Гуан Цзичжу заявил, что компании должны ставить на первое место реальные дела, а не пустую шумиху в СМИ. Агрессивный маркетинг — это путь в никуда.]

[@Лан Тао Сяо Ша: На днях гендиректор Гуан Цзичжу отметил, что биохимические исследования напрямую связаны с безопасностью жизни граждан, а потому ученым следует работать тихо и методично, не тратя силы на самопиар.]

[@Тань Хуа Шу: Глава крупной фармкомпании Гуан Цзичжу подверг жесткой критике хаос в отрасли. Он указал на тех, кто тратит баснословные деньги на маркетинг, забывая о первоначальных целях науки.]

На первый взгляд, эти новости транслировали позицию здравого смысла и заботы о людях, обличая пороки индустрии. Неудивительно, что они быстро нашли поддержку у аудитории.

— Согласен! В любой другой сфере ладно, но фармацевты должны быть скромнее и заниматься делом.

— Ха-ха, гендиректор прав. Тоже терпеть не могу этот бесконечный пиар.

— Некоторые лекарства крутят по телеку целыми днями, хотя их никто не покупает. Интересно, сколько они тратят на рекламу? Не больше ли, чем на сами разработки?

— Действительно, зачем лекарствам реклама? Что врач выписал, то и пьем.

— Да вообще всем стоит поубавить гонор. Те, кто слишком громко о себе заявляет, обычно плохо кончают.

— Честный труд всегда в почете. Респект господину Гуаню, озвучил то, что у всех на уме!

— Э-э... Ребят, я тут слежу за темой „Люйиньской“, и мне кажется, или этот господин метит в конкретного человека?

— Точно. Самый распиаренный сейчас в биохимии — это Ли Жун, который паразитирует на имени своих родителей. Посмотрите, на него же подписаны не ради науки, а как на какого-то айдола.

— И впрямь, ни одного настоящего ученого не видел, чтобы он так красовался перед камерами, а девчонки за ним бегали как сумасшедшие.

— Да он просто пустышка в красивой обертке. Говорят же, что с ним в лаборатории настоящие спецы из „Хунсо“ работают. Вот они и пашут, пока он занят созданием имиджа.

— Что за бред? Начали травить Ли Жуна? „Паразитирует на крови родителей“? У вас в голове вместо мозгов опилки?

— О, фанатики подтянулись! Я просто называю вещи своими именами. Вы реально верите, что двадцатилетний первокурсник способен на такое?

— Меня тошнит от того, что всякое отребье имеет доступ к интернету. Ты сам — интернет-пиявка, только и умеешь, что кровь сосать!

— Это его родители, и он имеет право упоминать их когда угодно, ясно вам?

— Если ты в двадцать лет — ничтожество, это не значит, что Ли Жун такой же. У него гены другого уровня, смиришься.

Подобные радикальные высказывания мгновенно провоцировали конфликт между группами пользователей. Статьи, которые поначалу не привлекли бы особого внимания, начали стремительно распространяться по сети.

На фоне яростных споров о «паразитировании на крови» родителей, молчаливое большинство тоже начало задумываться: а не слишком ли много шума вокруг Ли Жуна?

В такой обстановке объявление о триумфе «Люйиньской» не принесло бы желаемого эффекта — напротив, оно могло вызвать волну отторжения.

Разумеется, Ли Жун видел эти новости, но они не вызвали у него гнева.

Цзянь Фу досконально проверил аккаунты, которые активнее всего распространяли едкие комментарии. Как и ожидалось, большинство из них были зарегистрированы в одном регионе и представляли собой пустые «пустышки» без истории — классическая армия ботов.

А названия медиа-ресурсов, первыми запустивших вброс, были им до боли знакомы.

Ли Жун усмехнулся:

— Старые знакомые.

Цзянь Фу разразился ругательствами:

— Гнусные интернет-черви! Ни стыда, ни совести, ни границ!

Цэнь Сяо холодно произнес:

— Компания «Фэнгуан Вэньхуа», принадлежащая Лю Таньчжи, долгое время затаилась, но наконец подала голос. Если бы она не шевельнулась, я бы о ней и не вспомнил.

Разумеется, он вовсе не забывал о ней. Даже Цзянь Фу постоянно мониторил связанные с этой женщиной аккаунты, отслеживая их активность.

Ли Жун вскинул бровь, вальяжно откинувшись на спинку дивана:

— Ни «Мэйцзян», ни даже «Сухэ» не привлекали Лю Таньчжи к своим играм. Судя по реакции Хань Цзяна, они не заодно. И всё же она решила наброситься на меня именно сейчас, когда «Люйиньсюй» вот-вот выйдет в свет.

— Лю Таньчжи била трижды, — перечислил Цэнь Сяо. — Первый раз — когда добивала твоих родителей. Второй — когда пыталась закрыть тебе путь на факультет биохимии Университета А. И вот — сейчас.

— Она не просто отработывает грязные деньги «Сухэ», распространяя ложь, — задумчиво произнес Ли Жун. — Её истинная цель с самого начала — семья Ли. Она хочет, чтобы мы никогда не смогли подняться с колен.

— У Хань Цзяна не было личных счетов с твоими родителями, — продолжил Цэнь Сяо. — У него не было причин так планомерно уничтожать их. Судя по тому, что Ду Минли слышал от него самого, Хань Цзян считал, что смерть твоих родителей должна была стать искрой для Группы «Высокая башня». Искрой, которая поглотит «Ланьшу» и «Хунсо», погрузив мир в хаос.

Цзянь Фу в недоумении почесал затылок:

— То есть Хань Цзян всё это время строил из себя борца за справедливость?

Ли Жун медленно покачал головой, его глаза опасно сузились:

— Каждый раз, когда Хань Цзян наносил удар, за его спиной маячила одна и та же тень. Я всё время размышлял о характере их отношений и о той роли, которую они сыграли в трагедии с тётей Хуэй. Раньше я полагал, что при его статусе Хань Цзян должен быть лидером в этой связке, но...

— Но учитывая, что Чжан Чжаохэ занимает пост главы Группы «Высокая башня», всё может быть иначе, — подхватил Цэнь Сяо. — Весьма вероятно, что Хань Цзян находится у него на крючке. Посмотри сам: последние действия Хань Цзяна почти не принесли ему личной выгоды, зато помогли Чжан Чжаохэ укрепить свои позиции.

Ли Жун холодно усмехнулся:

— Чжан Чжаохэ владеет правдой об инциденте с тётей Хуэй. Разве такой человек упустит возможность использовать Хань Цзяна в своих интересах?

Цзянь Фу не мог в это поверить:

— Постойте, Хань Цзян — и терпит, как его используют? С его-то взрывным характером? Он же никогда не проглатывал обиды!

Цэнь Сяо бросил на него короткий взгляд:

— А как ты думаешь, благодаря кому мы вообще обнаружили связь между Лю Таньчжи и Хань Цзяном?

Глаза Цзянь Фу округлились:

— Ты хочешь сказать, что Хань Цзян сам позволил нам это найти? Он с ума сошел? Не боится, что, раскопав ту историю, мы уничтожим его репутацию?

Цэнь Сяо вздохнул:

— Хань Цзян — фанатичный отец и глава отряда «Призрачный глаз». Человек на такой должности может быть параноиком, хитрецом, циником — кем угодно, но у него всегда есть своя вера. Своя извращенная справедливость. Девятый район когда-то закрыл глаза на несправедливость к семье Ли, более того — помог втоптать их в грязь. Хань Цзян, вероятно, и сам не смог окончательно подавить в себе голос совести после столь вопиющего беззакония.

Цзянь Фу скептически скривился:

— Всё равно не верю, что у него проснулась совесть.

Цэнь Сяо хмыкнул:

— Конечно, он тот еще мерзавец. Он дает нам подсказки лишь для того, чтобы мы перенаправили удар на истинного врага. Он полагает, что те грехи, в которых мы можем его обвинить, остались в далеком прошлом и не имеют доказательств.

Цзянь Фу внезапно осенило:

— Точно! Ни Хань Цзян, ни Чжан Чжаохэ не знают, что Цзян Чжэн когда-то была беременна!

Губы Ли Жуна тронула ленивая улыбка. Он посмотрел на Цэнь Сяо и, протянув руку, осторожно коснулся его плеча. Едва ощутимо постучав пальцами по ткани, он многозначительно произнес:

— Знаешь, я вдруг почувствовал, что называть тебя капитаном теперь как-то... не совсем правильно.

Цэнь Сяо встретился с ним взглядом и накрыл его пальцы своей ладонью, крепко сжимая:

— Хорошо.

Цзянь Фу, который только-только начал улавливать нить разговора, снова почувствовал себя лишним.

— Да что происходит? Почему неправильно? Что «хорошо»-то?

Ли Жун, сощуривая сияющие глаза, ответил на рукожатие. Его пальцы ловко скользнули между пальцами Цэнь Сяо, переплетаясь в тесном замке.

— Начальник группы Цэнь... Пора бы нам помочь этим господам спуститься с их небесных высот напрямиком в грязь.

<http://bllate.org/book/15351/1574880>